

УДК 903.2

А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова

Пермский государственный педагогический университет
ул. Сибирская, 24, Пермь ГСП, 614990, Россия
Пермский филиал Института истории и археологии УрО РАН
ул. Пушкина, 44, Пермь ГСП, 614990, Россия
E-mail: belavin@pspu.ru

ПРЕДМЕТЫ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СЮЖЕТА «ЖИВОТНОЕ/ВСАДНИК НА ОСНОВАНИИ» В КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

В статье рассматривается один из сюжетов урало-сибирской металлопластики – шагающее животное на основании в виде змеи. Он представлен изображениями одиночных фигур животных и всадников, выполненных по единому канону. Среди предметов данного круга выделяются культовые плакетки и подвески. Истоки сюжета прослеживаются в древностях раннего железного века с территорий, прилегающих с обеих сторон к Уралу, что является свидетельством культурного родства населения Предуралья и Западной Сибири. В средние века на изделиях данной группы обычно изображались медведи, лоси, олени, кони как в виде одиночных фигур, так и со всадниками. В статье подробно анализируются все стилистические особенности и отдельные детали, дается вариант расшифровки значения, описывается специфика использования рассматриваемых вещей, определяется их ареал. Сделаны выводы о том, что образы шагающих животных и всадников на основании-змеи имеют общую иконографию, основной территорией их бытования являются Западная Сибирь и Среднее Предуралье, где они сформировались примерно одновременно на рубеже раннего железного века и эпохи средневековья.

Ключевые слова: Евразия, средневековье, звериный стиль, подвески, культовые плакетки, всадник на змее, животное на змее, урало-сибирская мифология.

Введение

Ярчайшая черта культуры урало-сибирского населения эпохи железа – зооморфные мотивы в металлопластике. Специалисты с разных сторон изучают предметы, выполненные в зверином стиле. Повышенный интерес к данной категории предметов материальной культуры обусловлен тем, что она наиболее емко и в определенной степени в доступной для современного восприятия форме отражает древнюю духовную культуру, идеологические представления древнего населения. Но единства в понимании данного феномена до сих пор нет. Одна из причин этого, на наш взгляд, – в зачастую искусственном разделении разного рода зооморфных изображений по времени и

территориям, что затрудняет познание процессов зарождения и эволюции отдельных сюжетов, а также расшифровку их значения.

Общая характеристика предметов с изображением сюжета «животное/всадник на основании»

Рассмотрим сюжет, известный и неплохо освещенный в историографии, но не получивший широкого воплощения в металлопластике. Речь идет о шагающем животном на основании/змее. Этот образ передают как единичные фигуры животных, так и изображения всадника, едущего на животном, выполненные

по единому канону. По смыслу и значению предметы данного круга делятся на культовые плакетки и подвески. Объединять их в одну группу позволяют такие особенности: 1) животное изображено шагающим, как правило, в правую от зрителя сторону; обычно показаны четыре ноги, передняя чуть приподнята в движении, голова повернута в профиль, прямо, иногда чуть опущена вниз (исключение – медведи с объемной головой анфас из курганов могильника Рёлка); 2) животное стоит на основании в виде планки (гладкой, псевдовитой, в виде «змеи» или ряда звериных голов), которая тянется от хвоста или задней ноги животного и по дуге или под углом соединяется обычно с мордой.

Истоки. Самые ранние воплощения шагающих животных и всадников относятся к кулайским памятникам в Западной Сибири примерно III в. до н.э. [Федорова, 2000, с. 40], несколько более поздние – к гляденовским костышам в Предуралье [Лепихин, 2007, с. 94–96]. Это были культовые плакетки и подвески со специальной петелькой на спине животного. Среди изображенных – медведи, лоси, олени,

волки, бобры, птицы и всадники. Наиболее известны гляденовские всадники: конь вырезан из листа, а литая фигурка верхового напаяна, как и узда, из проволоки. Встречаются фигуры всадников в островерхих головных уборах (шлем?) с луками и колчанами. Наряду с составными есть и цельнолитые фигурки [Там же, с. 91]. А.П. Смирнов прототипом подвесок-всадников считал цельнолитые гляденовские фигурки сидящего боком на волке всадника со свернувшимся на груди змеем. По мнению исследователя, образ человека на волке, ассоциировавшийся с каким-то духом, позже был заменен образом всадника, сидящего на коне в той же позе – свесив ноги на одну сторону [1952, с. 269]. Цельнолитые изображения человека на коне или медведе обнаружены в Усть-Полуе (I в. до н.э.) [Усть-Полуй..., 2003, с. 17, № 17] и на кулайском поселении Сырой Аган-6 [Арефьев, Карачаров, 2003]. К раннему железному веку относятся и первые фигурки на основании. Н.В. Федорова упоминает две кулайские фигурки медведя, лапы которого соединены перемычками, из клада на Барсовом Городке-1/20 [2000, с. 40]. Такие перемычки имеются и у некоторых гляденовских всадников.

Таким образом, сюжет «животное/всадник на основании» представлен в древностях раннего железного века по обеим сторонам Урала (рис. 1). Эти находки следует считать свидетельством культурного родства населения Предуралья и Западной Сибири.

Определенную роль в развитии иконографии изучаемых всадников сыграла восточная торевтика. В середине прошлого века А.П. Смирнов, рассмотрев предположение А.В. Збруевой о том, что в сасанидскую эпоху на верхней Каме сложились представления о верховном божестве как мужчине-охотнике, которого изображали всадником, окруженным зверями, и именно поэтому образ сасанидского царя на охоте, запечатленный в сюжете «всадник в окружении зверей», стал одним из излюбленных в ареале юго-восточной торевтики, раскритиковал его: оно, на взгляд исследователя, оторвано от хронологии [1952, с. 267]. Но сейчас, когда круг источников расширился, мы не можем отрицать связь сюжетов урало-западносибирской металлопластики и сасанидских блюд. Что касается хронологии, то массовый приток иранской посуды на Урал соответствует времени распространения предметов с сюжетом «животное/всадник на основании» (VI–VII вв.). Кроме того, в настоящее время выделены блюда т.н. венгеро-уральской группы IX–X вв., изготовленные, вероятно, в Предуралье, с изображением всадников в древней «уральской» изобразительной манере [Федорова, 2003, с. 146–147]. Эти изделия напрямую связаны с атрибутами оформлявшегося у угров культа всадника.

Основание. Это главное, что объединяет предметы рассматриваемой серии. Некоторые основания на од-

Рис. 1. Схема распространения предметов с изображением сюжета «животное/всадник на основании».

1 – Рафайловское; 2 – Елыкаевское; 3 – Архиерейская Заимка; 4 – Тимирязевский; 5 – Рёлка; 6 – Собакинское; 7 – Шутовское; 8 – Васюганский клад; 9 – Барсов Городок; 10 – Сайгатинский; 11 – Пожегдин II; 12 – д. Фекленки; 13 – д. Вакина; 14 – Купрос; 15 – Степаново плотбище; 16 – Анюшкар; 17 – Рождественск; 18 – Загарье; 19 – Баяново; 20 – Верино; 21 – Кузьминский; 22 – Иднакар; 23 – Рябиновский клад; 24 – Качкашурский; 25 – Дондыкар; 26 – Варнинский; 27 – Танкеевский; 28 – Измерский; 29 – Дубовский; 30 – Веселовский; 31 – Нижняя Стрелка; 32 – Хэйбидя-Пэдара; 33 – Зубарево; 34 – Аксеново; 35 – Челмужи; 36 – о-в Кокорин; 37 – Видлици; 38 – Карлуха; 39 – Выдрица; 40 – Будино; 41 – Сязнега.

ном конце оформлены в виде звериной головы, поэтому их трактуют как змею, хотя часто на голове есть уши, не характерные для пресмыкающихся. Я.В. Фролов сопоставляет фигуры шагающих животных на основании с композициями на скифских бляхах и пряжках наборных поясов. На щитке последних – профильное изображение идущего хищника, под его опущенной вниз или расположенной прямо головой – фигура свернувшегося в кольцо копытного животного или его парциальное изображение (рога или голова). На предметах рассматриваемой серии животные показаны в аналогичном ракурсе, есть голова оленя или лося под мордой, иногда замененная планкой [Фролов, 2003, с. 211]. Исследователь видит в планке с зооморфной головой копытное животное. По его мнению, основа-планка – результат переработки изображения скифского образа шествующего хищника семейства кошачьих. Этот элемент не мог развиваться на местной основе, т.к. противоречил древнему канону уральской изобразительной традиции [Там же, с. 218]. Я.В. Фролов построил типологический ряд профильных изображений животных на предметах бронзового литья. Наиболее ранними он считает кулайские образцы. За ними – изделия в традициях скифо-сибирского искусства, которые в местной среде подверглись переработке, были «опознаны» и включены в обрядовую практику. Предметы эпохи раннего средневековья отражают уже сложившуюся художественную традицию: влияние скифского искусства проявляется в иконографии изображений животного, органично включенной в изобразительную систему. Традиции, восходящие к скифским, сохраняются и в изображениях всадников, существенно не менявшихся до позднего средневековья. По мнению Я.В. Фролова, этот типологический ряд демонстрирует консервативность древних изобразительных традиций в культуре населения эпохи железа [Там же, с. 218–219]. Вероятно, в целом можно согласиться с предложенной концепцией, распространив ее и на материалы Приуралья: здесь подобные образы появились почти одновременно с кулайскими, кроме того, еще с ананьинско-

го времени развитие местного художественного литья находилось под мощным влиянием скифского искусства. Но отвергать предположение о том, что планка-основание – это изображение змеи, нельзя, поскольку на отдельных предметах образ змеи читается вполне четко (рис. 2, 13; 3, 8, 9). На ряде культовых плакеток изображения голов животных располагаются вдоль почти всего основания и вызывают ассоциацию с картиной последовательного поедания змеями друг друга (см. рис. 2, 1, 12, 20). По мнению Е.П. Казакова, змея – это хтоническое существо [2001, с. 160]. Согласно верованиям обских угров, змеи связаны с нижним миром и призваны служить его (или в него) проводниками. Но для расшифровки рассматриваемого сюжета наиболее

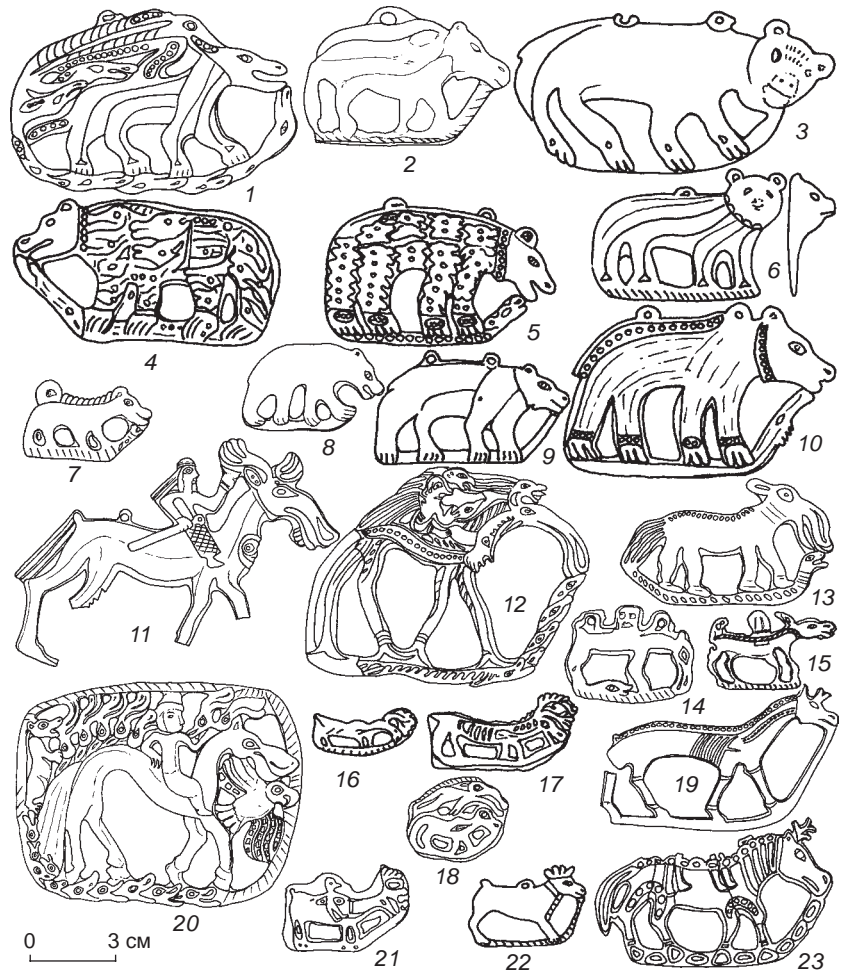

Рис. 2. Фигурки животных и всадников.

1 – Обь-Енисейский канал; 2, 8, 12, 20 – Пермский край; 3, 5, 11 – Рёлка; 4 – Третий Кордон-1; 6 – Нарымское Приобье; 7 – Сайгатинский III; 9, 22 – Васюганский клад; 10 – Тимирязевский II; 13 – Каксинская Гора-1; 14 – Пожегдин II; 15 – Архирейская Заимка; 16–18, 21 – Хэйбидя-Пэдара; 19 – Верхнее Приобье; 23 – Барсов Городок, погр. 130; 1, 5, 9–11, 22 – [Чиндина, 1991, рис. 21, 11, 13, 15, 18, 19; 30, 13]; 2 – из браконьерских сборов; 3, 15 – [Финно-угры..., 1987, табл. ХСVIII, 25; С, 50]; 4, 6 – [Троицкая, 2000, рис. 1, 3; 2, 1]; 7, 23 – [Карачаров, 2002, рис. 15, 5; 18, 3]; 8, 20 – коллекция Зеликмана; 12 – [Смирнов, 1952, табл. LXXI, 9]; 13 – [Угорское наследие..., 1994, № 72]; 14 – [Археология Республики Коми, 1997, с. 394, рис. 10, 5]; 16–18, 21 – [Мурыгин, 1992, рис. 15, 7, 9, 23–24]; 19 – [Троицкая, Новиков, 2004, фото на обложке]; 20 – [Оборин, 1976, № 57].

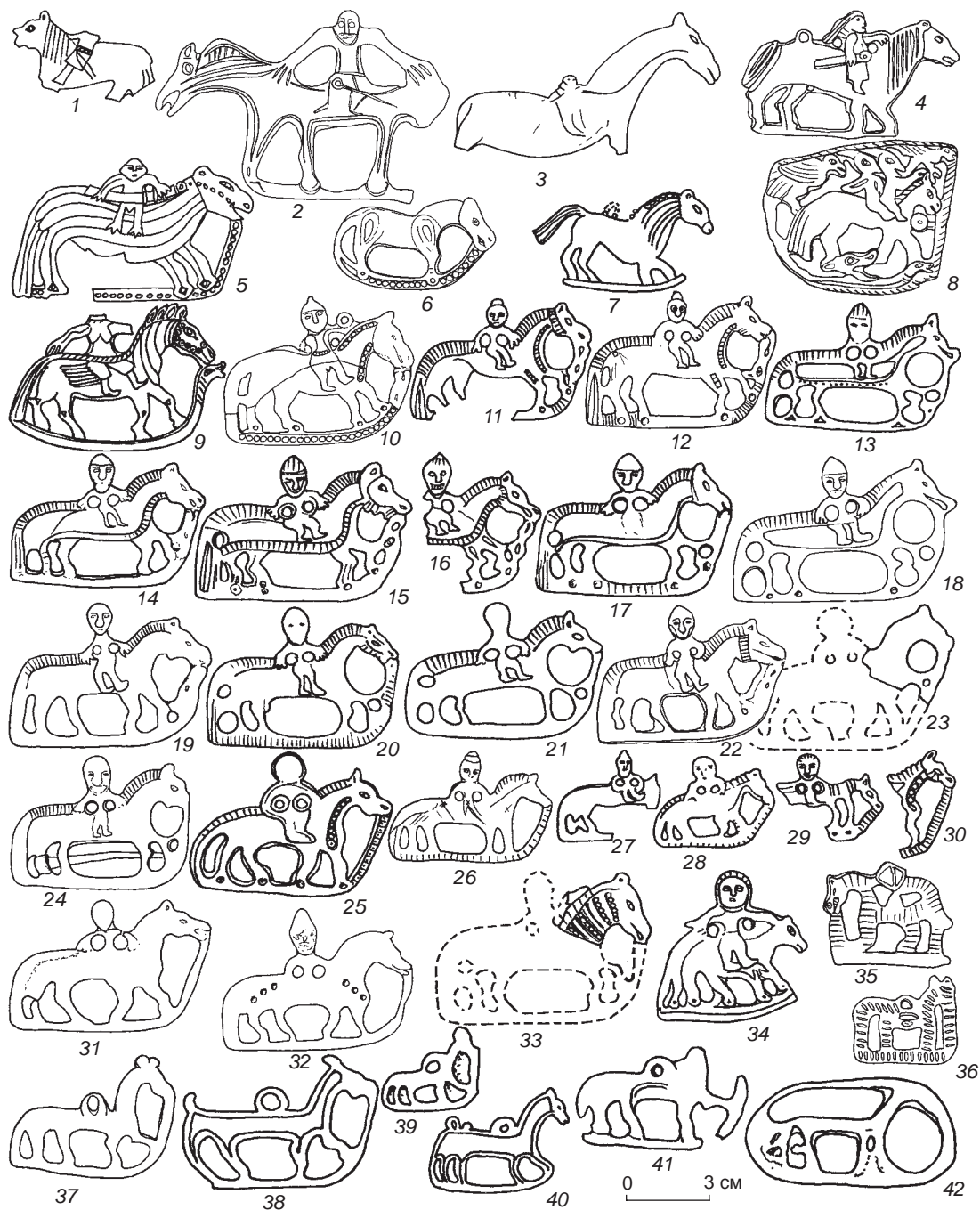

Рис. 3. Фигурки коней и всадников на конях.

1, 7 – Рёлка; 2, 4 – Шутовское; 3 – Елыкаевское; 5 – Собакинское; 6 – Сайгатинский VI; 8 – Пермский край; 9 – Глазовский р-н Удмуртии; 10 – Барсовский I; 11 – Загарский; 12 – Варнинский; 13 – Веселовский, погр. 8; Дубовский, погр. 46; 14 – Баяновский, погр. 37; 15 – Рябиновский клад (Дондыкар, Иднакар); 16 – Качашурский; 17, 20 – Челмужи, кург. 2/1; 18 – Дубовский, Сязнега; Нижняя Стрелка, погр. 27; 19 – Баяновский, погр. 58; 21, 38 – Аксёново; 22 – Баяновский, погр. 59; 23 – Аношкар; 24 – Карлуха; 25 – Танкеевский, погр. 291; 26 – Баяновский, погр. 29; 27–30 – Степаново плотбище; 31 – Баяновский, погр. 128; 32 – Баяновский, погр. 107; 33 – Рождественский; 34 – Турват-пауль; 35 – святилище Сайгатинское I; 36 – Барсовский IV; 37 – Пермский край; 39 – Будино, Видлицы; 40 – место обнаружения неизвестно; 41 – Корбальский; 42 – д. Фекленки.

1, 3–5, 7 – [Чиндина, 1991, рис. 21, 14, 30, 9–12]; 2 – из браконьерских сборов [Кользуга]; 6 – из раскопок К.Г. Карачарова; 8 – из браконьерских сборов; 9 – [Смирнов, 1952, табл. XLII, 1]; 10, 35, 36 – [Угорское наследие..., 1994, с. 83, № 73; с. 98, 156–157]; 11, 42 – [Спицин, 1902, табл. V, 14; IV, 3]; 12, 16 – [Иванов, 1998, рис. 56, 3, 7]; 13, 15, 25, 40 – [Голубева, 1979, табл. 16, 3, 4–8]; 14, 19, 22, 26–32 – из раскопок А.В. Данича; 17, 18, 20, 21, 24, 38, 39 – [Рябинин, 1981, табл. IX, 1–7; X, 1, 2]; 23 – из раскопок Г.Т. Ленц; 33 – из раскопок Н.Б. Крыласовой; 34 – [Бауло, 2004, с. 79]; 37 – коллекция Зеликмана; 41 – [Археология Республики Коми, 1997].

интересным является представление о змее как о символе дороги [Головнев, 1995, с. 253–524]. Например, у самодийцев есть выражение *вэттын шүмын – дорога по змее* [Прокофьева, 1976, с. 118]. Таким образом, фигура шагающего животного на основании передает образ животного, которое идет по дороге.

Как считает Т.Н. Троицкая, планка-основа, являющаяся дополнительным питательным каналом, была необходимым технологическим элементом. Проанализировав серию изображений медведя на основании, она пришла к выводу, что литниковая система состояла из литника и дополнительного канала – т.н. питателя, который проходил от задней лапы к морде зверя. Заливка металла производилась сверху и снизу сифонным методом, что обеспечивало хорошую проливку лап зверя [2000, с. 44].

Образы животных. Не останавливаясь на образах животных и всадников на гляденовских и кулайских поделках, выступающих прототипами данной серии изделий, рассмотрим фигуры, которые являются безусловным воплощением сюжета «животное/всадник на основании». В средние века их круг несколько сузился; он ограничивался изображениями медведя, лося, оленя, коня, а также собирательных образов фантастических животных. Известны единичные изображения собаки (см. рис. 2, 7) и волка (см. рис. 2, 1).

Медведь обычно показан без верхового (см. рис. 2, 3–6, 8–10). Лишь фигурку зверя, на котором угадывается верховой, из северных районов Пермского края можно соотнести с медведем, учитывая массивность животного (см. рис. 2, 2), но его морда с характерной горбинкой на носу напоминает лосиную. Вообще плоские подвески с медведем на основании характерны для рёлкинской культуры (исключение составляют единичные находки из Прикамья).

Лось изображался чаще всего под верховым (см. рис. 2, 11, 12, 15, 20), известны также его единичные фигуры (см. рис. 2, 13). Зачастую животные, по общему облику соотносимые с лосем, показаны с конским хвостом. На фигурке из Рёлки отчетливо видно, что к короткому лосиному был приделан длинный конский хвост (см. рис. 2, 11) [Чиндина, 1991, с. 59]; эта же идея реализована и в многофигурной композиции из Пермского края (см. рис. 2, 12).

Все животные, запечатленные в культовых плакетках рассматриваемой серии с Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места в Большеземельской тундре, А.М. Мурыгиным определены как олени (см. рис. 2, 16–18, 21) [1992, с. 33]. Единичные фигурки оленей обнаружены в Западной Сибири (см. рис. 2, 19, 22). В фигурке из погр. 130 Барсовского могильника в Сургутском Приобье по общему облику угадывается образ коня, но с ветвистыми оленьими рогами (см. рис. 2, 23).

Конь иногда изображен без всадника, но чаще всего он является персонажем всаднической композиции

(см. рис. 3). На рёлкинских предметах этот образ передан реалистично; его характерный корпус, короткие толстые ноги, длинная грива и хвост показаны резными линиями [Чиндина, 1991, с. 58]. В более поздних изображениях облик коня почти не изменился. Л.А. Голубева, рассматривая материалы из Восточной Европы, высказала предположение, что фигура всадника постепенно стилизовалась до петли на спине коня, появились подвески в виде коня на змее (XI–XII вв.) [1979, с. 42]. Однако, как показали последующие исследования, особенно в Западной Сибири, средневековые материалы которой были слабо известны, образы животного (не только коня) на змее и всадников сформировались одновременно.

Образы всадников. Они воплощены в фантастических, антропозооморфных и антропоморфных фигурах; всадники изображены, как правило, в полный рост, в единичных случаях показана только голова (см. рис. 2, 14, 15; 3, 35). На двух культовых плакетках из Хэйбидя-Пэдары образ всадника воплощен в горизонтально летящем фантастическом существе (по мнению А.М. Мурыгина, человеколось [1992, с. 33]). Такая же фигура имеется на плакетке с Обь-Енисейского канала [Чиндина, 1991, с. 59] и подвеске из Пермского края (см. рис. 2, 1, 2, 18). Последняя выполнена весьма небрежно, но на спине животного вполне отчетливо просматривается вторая фигура с миндалевидным глазом, выделенная двумя валиками (как на плакетке с Обь-Енисейского канала) (см. рис. 2, 2).

На всех остальных находках образ всадника передают антропоморфные фигуры весьма характерной иконографии, с непропорционально маленьким телом, особенно по сравнению с крупной головой [Федорова, 2003, с. 145]. На двух культовых плакетках вместо левой руки у всадника крыло (см. рис. 2, 12; 3, 8), часто на руках, а иногда и на ногах показано по два – четыре пальца (см. рис. 2, 11, 12, 20; 3, 2, 4, 5, 8, 9, 11, 12, 14, 15, 17–21). Как считает Е.И. Оятева, неполный комплект пальцев на руках и ногах, крыло вместо руки – признаки зооантропоморфного персонажа; это божества, духи, оборотни, которые могут выступать в антропо- или зооморфной ипостаси [2003, с. 54–56]. Замена руки крылом демонстрировала принадлежность персонажей к небожителям [Там же, с. 98].

Наиболее ранние рёлкинские всадники изображены сидящими верхом в обычной позе [Чиндина, 1991, с. 58]. Такими же, но с туловищем, развернутым к зрителю, они показаны на культовых многофигурных плакетках. Однако на подвеске с Собакинского святилища в Среднем Приобье всадник запечатлен сидящим, его ноги перекинута на одну сторону [Там же, с. 58–59]. Эта поза стала канонической и неизменно сохранялась до XI в. Такой способ посадки считается женским, он крайне неудобен, особенно в бою. Вряд ли средневековые всадники-воины действительно так сидели на

коне. Вероятно, подобная манера изображения всадника была вызвана необходимостью показать «целого» человека. Дело в том, что для пермского звериного стиля характерны т.н. половинники – профильные изображения: у антропоморфных персонажей одна нога, одна рука, половина лица с одним глазом, у зооморфных – две ноги вместо четырех. По преданиям, «половинники» – жители Нижнего мира, мира мертвых [Оятева, 2003, с. 53]. При изображении всадников стремились, вероятно, подчеркнуть их принадлежность к верхнему миру. Подобная асимметрия – обычный прием «архаичного» искусства. Например, на одном из византийских блюдов, найденных у с. Слудки в Пермском крае, поверх изображения коня выгравирована фигура пляшущего человека с саблей в руке, он как бы сидит верхом, конь повернут в профиль, а всадник – анфас [Гемуев, Сагалаев, Соловьев, 1989, с. 94]. На более поздних круглых блюдах с «сокольничим» всадник показан сидящим в обычной позе, но туловище его, как и на прежних изображениях, развернуто к зрителю.

В 1952 г. А.П. Смирнов описал редкую находку из Глазовского р-на Удмуртии, на которой представлена фигура всадницы, сидящей боком на крылатом коне (см. рис. 3, 9). Основания для трактовки персонажа как всадницы – реалистично показанная женская грудь и «дамская» посадка на коне [1952, с. 266–267]. И хотя исследователь подчеркивал, что наряду с женскими были и мужские фигуры, однако, говоря о подвесках X–XI вв., он употреблял исключительно слово «всадник» [Там же, с. 268–269]; за подвесками такого типа прочно закрепилось наименование «пермская всадница». Всадник обычно показан без признаков пола, но иногда его мужская суть не вызывает сомнений (например, на предметах из Собакинского культового места, Барсова Городка и Баяновского могильника, см. рис. 3, 5, 10, 26). Следовательно, применение к рассматриваемому сюжету названия «всадница на змее» ошибочно.

Дополнительные элементы. Единичные фигуры животных на змее обычно не имеют дополнительных атрибутов, кроме своеобразного ожерелья. Конь, на котором сидит всадник, обычно показан в сбруе; даже на стилизованных подвесках X–XI вв. часто просматривается уздечка (см. рис. 3, 5, 9, 11, 16, 17, 22). На одной из рёлкинских находок и на культовой плакетке из Приуралья на груди лося – антропоморфная личина (см. рис. 2, 11, 12). По мнению Л.А. Чиндиной, это фалар [1991, с. 59]. Не отвергая данного определения, отметим, что указанный элемент, возможно, был маркером двойственной (зооантропоморфной) природы лося.

А.В. Бауло, анализируя подвеску-всадника, которая находилась внутри «головы» фигуры духа-покровителя, обнаруженной в 1990 г. в пос. Турват-Пауль в Западной Сибири (см. рис. 3, 34), отметил на крупе коня изображение лисицы. Поскольку у обских угров принято изображать Мир-сусне-хума на коне, покры-

том лисьей шкурой, исследователь предположил, что данная фигурка отражает представления древнего населения Западной Сибири об облике и «экипировке» первопредка [2004, с. 79]. На канонических изображениях всадников X–XI вв. на спине коня имеется широкая полоса, покрытая насечками; оформлена она так же, как грива, и, возможно, изображает накиннутую на спину коня шкуру, пушистый мех.

Рёлкинские всадники показаны в относительно длинной одежде, в одном случае она покрыта косой решеткой (кольчуга?). У них длинные распущенные волосы (см. рис. 2, 11; 3, 1, 4). Согласно героическим преданиям обских угров, «косатые» богатыри отличались особой мощью и были окружены почетом [Гемуев, Сагалаев, Соловьев, 1989, с. 74]. Более поздние фигуры всадников выполнены в стилизованной манере, поэтому не ясно, какая у них одежда, но почти всегда четко определяются шлемы – остроконечные или округлые. Как отмечают этнографы, для обитателей западно-сибирской тайги оформление верхней части головы имеет особое значение: это важнейший символ, зрительно связанный с образом божества и его рангом [Там же, с. 81]. По фольклорным материалам, угорские богатыри-предки отличались от простых людей не только физической силой и телесной мощью, но и военным снаряжением, в котором важнейшее место занимал шлем – не просто головной убор «профессиональных» воинов – «косатых» богатырей, а знак принадлежности к ним. Во всех военных формированиях древности военачальник выделялся по внешнему виду; на поле битвы именно головной убор должен был отличать его от рядовых воинов. Острроверхие уборы получили воплощение как в металлопластике, так и в прочерченных рисунках (граффити) на серебряных блюдах [Там же, с. 77, 84–85, 90]. Отметим, что, казалось бы, однотипные фигурки всадников X–XI вв. позволяют проследить связь между формой шлема и особенностями оформления коня. На фигурках, запечатлевших всадника в шлеме с шаровидным навершием, на коне вдоль шеи с внутренней стороны и передней ноги отмечаются орнаментальные полосы из насечек или имитации зерни (см. рис. 3, 10–12). У всадников в сфероконическом шлеме у коня вдоль живота и шеи с внутренней стороны прослеживается орнаментальная полоса – гладкая или с насечками (см. рис. 3, 13–18). На фигурках, которые представляют коня без дополнительного оформления на животе и шее, всадники обычно с округлыми головами без шлема (см. рис. 3, 19–24). Выделяется также группа предметов, у которых основанием является не изображение «змеи», а простая планка – гладкая или орнаментированная (см. рис. 3, 25–32). Выделенные варианты встречаются на разных территориях, они, вероятно, могут служить хронологическими индикаторами. Но поскольку такие подвески в целом бытовали в достаточно узком хронологическом диапазоне, разделить их по этапам трудно.

Рёлкинские всадники держат сабли в ножнах (см. рис. 2, 11; 3, 2, 4, 5). На более поздних изображениях оружие не обозначено, оно, видимо, подразумевалось как неотъемлемая часть образа. Но не все владельцы подвесок соглашались с этим: на трех предметах из богатых воинских погребений Баяновского могильника изображение сабли прочерчено, как на известных уральских гравировках (см. рис. 3, 14, 22, 26).

На ряде культовых плакеток всадники являются элементами многофигурных композиций пермского звериного стиля. На них кроме животного на змее/змеях и всадников показаны хищные птицы (ловчие соколы?) и зооморфные существа. Образ птиц связывает сюжет «всадник на змее», воплощенный в металлопластике, с сюжетом «сокольников» на медальонах XI–XIV вв. из Пермского и Северного Предуралья, Зауралья и Западной Сибири [Белавин, 2004]. Их объединяет направление движения персонажей, наличие на всаднике заостренного головного убора (шлема), присутствие хищной птицы и небесных светил (на одной из культовых плакеток перед конем показано солнце, см. рис. 3, 8; 4, 1). Изображения с «сокольников» на бляхах соотносятся с композициями на жертвенных покрывалах-ялпынгах – атрибутах культа Мир-сусне-хума обских угров [Там же; Гемуев, Бауло, 2001, с. 19–20].

На плакетке из коллекции Зеликмана изображен зверь-«половинник» (медведь?); он показан за фигурой лося – опирается лапами на его хвост (см. рис. 2, 20). Остальные зооморфные персонажи представлены в виде усеченных голов (лосей?), которые находятся под ногами шагающего животного (см. рис. 2, 14; 3, 8) либо над ним (см. рис. 2, 1, 20). На одном изображении голову держит в руке всадник (см. рис. 2, 12). Е.И. Оятева на обширном материале показала, что усеченные головы на культовых плакетках пермского звериного стиля – изображения жертв, число которых определялось количеством и важностью содержания просьб [2003, с. 69–75].

О значении предметов с изображением сюжета «животное/всадник на основании»

Поскольку многие исследователи видят во всадниках женщину, это определяет их подход к трактовке сюжета. По мнению Л.А. Голубевой, фигура змеи символизировала злое божество подземного мира, с которым борется всадница – местная ипостась Великой Матери – на крылатом (солнечном) коне [1979, с. 42]. А.П. Смирнов связывал фигурки всадников с представлением о борьбе солнца с преисподней: солнечный всадник противостоял змее – богу преисподней. Кроме того, образ всадника, как считал исследователь, неотделим от дружинного эпоса: бог солнца считал-

ся покровителем военных дружин [1952, с. 269]. Эта точка зрения, хотя и не подкреплена какими-либо аргументами, заслуживает особого внимания.

Военные формирования населения лесной зоны были представлены, вероятно, небольшими пехотными отрядами, мобильными и маневренными. Конница здесь вряд ли могла иметь самостоятельное военное значение; в фольклоре о кавалерии как об особой военной единице нет ни слова [Гемуев, Сагалаев, Соловьев, 1989, с. 116–117]. Тем не менее уже в раннем железном веке появились изображения всадников, имевших сакральное значение. Это могло быть вызвано выделением в обществе воинской верхушки (вождь, князь?), которая, стремясь подчеркнуть свою значимость, копировала облик лучших воинов того времени – степных кочевников. Основными знаковыми элементами стали боевой конь, особые защитное снаряжение (шлем) и оружие (сабля). Возвысившаяся власть нуждалась в новой обрядности, которая спланировала бы население. Ей необходимо было обосновать территориальные претензии, возвеличить князя и его воинов, т.е. идеологически подкрепить свое положение. В таежном фольклоре появились новый герой – воин, богатырь [Там же, с. 169].

Эпоха средневековья выдвинула на передний план «богатырскую» ипостась мифологических персонажей, о чем говорит почитание сыновей Нуми-торума и легендарных «богатырей» [Там же, с. 154]. По представлениям обских угров, спустившиеся с неба богатыри первыми населили вновь созданную землю, многие родовые и семейные боги были предками-богатырями, покровителями [Гемуев, 2003, с. 24], выступавшими в антропо- и зооморфном облике [Там же, с. 65]. Обские угры и сегодня в обрядах нередко используют найденные в земле древние бронзовые изделия. Среди них А.В. Бауло выделяет группу предметов (часто это изображения человека, иногда сидящего на лошади), символизирующих духов-покровителей, их помощников. Считалось, что эти фигурки падают на землю из туч во время молнии, а с определенным духом они соотносятся в зависимости от обстоятельств обнаружения. Фигурки вкладывали внутрь деревянных изображений духов-покровителей [Бауло, 2004, с. 79].

Вполне очевидно, что в период раннего средневековья у каждого племенного образования были свои духи-покровители, нередко в виде богатырей-всадников; отсюда широкая вариативность образов зооморфных, зооантропоморфных и антропозооморфных всадников. Мир духов копировал мир живых. По данным этнографов, до прихода русских у обских угров были очень мелкие княжества, каждое дробилось: в одном и том же городке княжили два брата или дядя и племянник княжеской семьи. Народ делился поровну между совладельцами: каждый имел своих людей, войско, но один из них признавался главным князем

[Гемуев, Сагалаев, Соловьев, 1989, с. 66]. Отражением данной ситуации, возможно, являются культовые плакетки рассматриваемого круга, на которых показано по два всадника (см. рис. 2, 23; 3, 8). Позднее началась консолидация племен, сопровождавшаяся развитием культа единого божества-покровителя, которому подчинялись локальные духи. Подобная ситуация прослеживается в человеческом обществе. Богатыри, главы ополчения, формировавшегося в родовых общинах, в момент военной угрозы подчинялись «большому князю», который стремился не только закрепить свою власть силой оружия, но и «освятить» ее идеологически. Такие князья создавали новые культы, узурпировали связь с Великим духом. Их культы приобретали территориальный характер, чтобы все население, независимо от родовой и этнической принадлежности, почитало княжеского кумира-покровителя. Князь, провозгласив свою особую сакральную связь с первопродком, мог узурпировать уже существовавший культ [Там же, с. 98–99]. Такими объединяющими персонажами были мансийский Мир-сусне-хум, хантыйский Эква-Пыргись (Кан-ики, Орт-ики), общеугорский Alwali (Alwa) – народный заступник, поборник справедливости, седьмой сын бога Торума и богини Калтась, посредник между людьми и богом. В мифологии он выступает как культуртрегер, первый охотник, научивший людей делать ловушки и добывать огонь, правильно вести себя. Этот персонаж актуален и вездесущ. Именно первопродок являлся воплощением активного начала, объединяющего и упорядочивающего содержание сложившейся картины мира; он соединял миры людей, богов и духов [Гемуев, 2003, с. 92]. Мир-сусне-хум (Alwali) был арбитром в спорах между домашними духами-покровителями и людьми, выполнял функции надзора за предками-покровителями селений [Там же, с. 91]. В обрядовой поэзии он выступает как всадник на белом коне (иногда восьмикрылом). Всадник – одно из многих его имен.

По мнению многих исследователей, представления о богатыре-предке, непременным попутчиком которого в его бесконечном странствовании стал боевой конь, оформились у урало-сибирских племен в эпоху раннего средневековья и окончательно канонизировались к X в. Устойчивость этих воззрений удивляет своей фундаментальностью. Образ богатыря-предка проходит через устное и декоративное творчество практически всех групп коренного населения региона вплоть до этнографической современности [Ожередов, Приступа, 1997, с. 320]. Наибольшее значение он приобрел в IX–XI вв., когда в угорском обществе появилась прослойка воинов. В погребениях этих воинов – детали конского снаряжения, сабли, копыя, боевые топоры и иное вооружение. Особый статус погребенных подчеркивают серебряные погребальные маски, наборные пояса, удила и другие знаковые пред-

меты, в частности, нагрудные подвески-всадники. С точки зрения исследователей, о дружинной прослойке – военной аристократии – речь идти еще не может: имеющиеся материалы не свидетельствуют об отрыве какой-то части воинов от хозяйственной жизни [Гемуев, Сагалаев, Соловьев, 1989, с. 107]. Однако подвески с изображением всадника с полным основанием можно считать символом высокого социального положения владельца – родового вождя или старейшины [Белавин, 2004, с. 338], для идеологического подкрепления которого использовался культ всадника.

Что касается образов животных без всадника, то понять их значение в объединенном каноне сюжете «животное/всадник на змее» помогает анализ изображений на жертвенных покрывалах обских угров. Покрывалами с фигурами медведей, коней и всадников, по мнению И.Н. Гемуева и А.В. Бауло, укрывали жертвенных животных – медведя, оленя или коня [2001, с. 23–26]. Таким образом, все эти изображения на покрывалах бытовали параллельно и имели сходные функции. Вероятно, то же касалось и предметов древней металлопластики.

Назначение предметов с изображением рассматриваемого сюжета

Анализ показывает, что одновременно бытовали культовые плакетки, выполненные в традициях урало-сибирского звериного стиля, и подвески для ношения в costume. При этом параллельно развивались сюжеты и с всадником и без него. Культовые плакетки не имеют специально оформленных петелек для привешивания, они в большинстве случаев являются иллюстрацией какого-то мифологического сюжета и в отличие от подвесок нередко усложнены дополнительными фигурами. Все плакетки, найденные в археологическом контексте, происходят со святилищ.

Как отмечала Л.А. Голубева, подвески на территории Прикамья и Приладожья были обнаружены в женских погребениях, они находились в зоне пояса [1979, с. 42]. Но известные в период ее исследований прикамские подвески относятся к дореволюционным сборам или к материалам поселений и не дают информации о способах использования. В ходе раскопок в 2005–2008 гг. Баяновского могильника в Пермском крае (руководитель А.В. Данич) в богатых мужских захоронениях воинов-всадников (см. рис. 4, 2–7) было зафиксировано семь таких подвесок, большая часть – под нижней челюстью (возможно, висели на шнурке на шее), некоторые – в области черепа (пришиты на шапку?). Вероятно, это были не просто украшения, а знаки принадлежности к социальной (воинской?) элите. Наиболее ранние подвески имеют по паре петелек. Это характерно для украшений, которые носили на шее/груди.

Рис. 4. Культовая плакетка из браконьерских сборов в Пермском крае (1) и подвески-всадники из Баяновского могильника (2–7).

2 – погр. 29; 3 – погр. 37; 4 – погр. 58; 5 – погр. 59; 6 – погр. 107; 7 – погр. 128.

Они обычно с изображением на одной стороне; наличие двух петелек предотвращало переворачивание на оборотную сторону. Позже подвески стали делать с одной петелькой. Но наиболее известные подвески-всадники вообще не имели петелек для подвешивания. Их крепили к шнуру, пропустив его через отверстия под изогнутыми дугой руками всадника. В этом случае подвески также не переворачивались при ношении.

По мнению Е.А. Рябинина, подвески-всадники, выступавшие в Прикамье как культовые предметы и несущие сложную семантическую нагрузку, в северорусских землях утрачивали заложенный в них смысл. Об этом наиболее ярко свидетельствует подвеска – она использовалась в качестве одежной застёжки из Карлухи-6 (см. рис. 3, 24). В кург. 2 у с. Челмужи в Прионежье четыре подвески-всадника находились в женском погребении на тазовых костях вместе с набором поясных привесок [Рябинин, 1981, с. 26–27]. На исконной Урало-Сибирской территории такие подвески также иногда встречаются в женских погребениях, но их назначение в costume было иным. Например, в погр. 130 могильника Барсов Городок обнаружена подвеска, пришитая на головной венчик погребенной женщины 20–30 лет [Карачаров, 2002, с. 42, рис. 18/3].

Территория распространения

Родиной подвесок-всадников Л.А. Голубева считала Прикамье [1979, с. 41–42]. Действительно, подвески X–XI вв. со сформировавшимся канонизированным изображением, являвшиеся, по мнению исследовательницы, продукцией ремесленного производства, наибольшее распространение получили в Среднем Предуралье – на территории Удмуртии и Пермского края (см. рис. 1). Но, как показали исследования в Западной Сибири, аналогичные изделия, причем наиболее ранние варианты, широко представлены и в Приобье. Подобные подвески обнаружены на территории Волжской Булгарии и в Поветлужье, в работах ряда исследователей отмечены также Приладожье и Прионежье. Отдельные образцы встречены на восточной окраине Ижорской воз-

вышенности и в бассейне Северной Двины. К районам Приладожья и Прионежья тяготеют и стилизованные подвески-коньки на основании (XI – начало XII в.).

Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что воплощенные в металлопластике образы шагающих животных и всадников на основании/змее имеют общую иконографию; они сформировались примерно одновременно на рубеже раннего железного века и эпохи средневековья. Их ареал – Западная Сибирь и Среднее Предуралье. Существенных различий в иконографии указанных предметов не отмечено, поэтому разделение звериного стиля на локальные варианты вряд ли необходимо. И.Н. Гемуев и А.В. Бауло подчеркивают, что любой культ, в частности всадника, вырабатывает свою иконографию – совокупность правил передачи образа. Но сюжет «всадник» в художественном литье, по их мнению, «выглядит очень бедно», малочисленность бронзовых фигурок не позволяет говорить о широком влиянии этой традиции на формирование образа всадника на этнографических жертвенных покрывалах [2001, с. 26]. Однако, согласно обобщенным нами материалам, формирование культа и его канонизация происходили на обширной территории, заселенной в эпоху средневековья родственными угорскими племенами; несомненна связь между персонажами на рассматриваемых предметах и на более поздних бляхах с «сокольничим». И.Н. Гемуев и А.В. Бауло связывают композиции на жертвенных покрывалах с изображениями на предметах торевтики, но считают, что ко времени появления блях с «сокольничим» в Прикамье уже получил развитие культ Небесного всадника [Там же], который как раз и проявлялся в подвесках-всадниках. В связи с этим следует обратить внимание на отмеченное Н.В. Федоровой иконографическое сходство литых всадников с «сокольничими»: крупная остроконечная голова всадника, правая рука, опирающаяся на спину коня, довольно специфический прием изображения конской головы

одной дугообразной линией от кончика уха до нижней челюсти [2003, с. 145]. Таким образом, предметы с изображением сюжета «всадник» выстраиваются в непрерывную эволюционную линию: литые фигурки – бляхи с «сокольниковым» – жертвенные покрывала.

В Нижнее Прикамье, Поволжье и дальше на запад до Приладожья подвески с изображением рассматриваемого сюжета попали, вероятно, вместе с носителями угорской культуры, о чем свидетельствует, в частности, наличие там же, где обнаружены рассматриваемые украшения, типичной угорской керамики, биметаллических кресал, зооморфных роговых гребней и других элементов культуры угров. Е.А. Рябинин также отмечал, что в Северной Руси подвески-всадники распространены в районах, поддерживавших в эпоху средневековья культурные и торговые связи с Прикамьем [1981].

Границы распространения средневековых подвесок с сюжетом «всадник на основании» от Прикамья до верхней Оби и от Хейбидя-Пэдарского святилища в Большеземельской тундре до Танкеевского могильника в Нижнем Прикамье совпадают с пределами средневекового угорского мира.

Список литературы

- Арефьев В.А., Карачаров К.Г.** Всадник на медведе // Образы и сакральное пространство древних эпох. – Екатеринбург: АКВА-ПРЕСС, 2003. – С. 31–34.
- Археология Республики Коми.** – М.: ДиК, 1997. – 759 с.
- Бауло А.В.** Атрибутика и миф. Металл в обрядах обских угров. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. – 158 с.
- Белавин А.М.** К вопросу об изображениях Мир-сусне-хума из Прикамья и Зауралья // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет: мат-лы Всерос. научн. конф. – Ижевск, 2004. – С. 331–339.
- Гемуев И.Н.** Народ манси: Воплощение мифа. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. – 94 с.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В.** Небесный всадник. Жертвенные покрывала манси и хантов. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. – 160 с.
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И.** Легенды и быль таежного края. – Новосибирск: Наука, 1989. – 176 с.
- Головнев А.В.** Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 1995. – 608 с.
- Голубева Л.А.** Зооморфные украшения финно-угров. – М.: Наука, 1979. – 112 с. – (САИ; вып. Е1-59).
- Иванов А.Г.** Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. – Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 308 с.
- Казаков Е.П.** Волжские болгары и угорский мир Урало-Поволжья // XV Уральское археологическое совещание: тез. докл. – Оренбург, 2001. – С. 160.
- Карачаров К.Г.** Антропоморфные куклы с личинами VIII–IX вв. из окрестностей Сургута // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. – Екатеринбург: Ур. гос. ун-т, 2002. – С. 26–52.
- Кольчуга.** – URL: http://okolco.narod.ru/helgikol4uga/book/oid_215.html.
- Лепихин А.Н.** Костица гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. – Пермь: Издат. дом «Типография купца Тарасова», 2007. – 224 с.
- Мурыгин А.М.** Печорское Приуралья: эпоха средневековья. – М.: Наука, 1992. – 180 с.
- Оборин В.А.** Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. – Пермь: Кн. изд-во, 1976. – 190 с.
- Ожередов Ю.И., Приступа О.И.** Позднесредневековые ажурные бляхи со всадниками из Нарымского Приобья // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. – Томск: Том. гос. ун-т, 1997. – С. 317–327.
- Оятева Е.И.** Искусство Прикамья по материалам художественной металлической пластики. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2003. – 130 с.
- Прокофьева Е.Д.** Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л.: Наука, 1976. – С. 106–128.
- Рябинин Е.А.** Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. – Л.: Наука, 1981. – 124 с. – (САИ, вып. Е1-60).
- Смирнов А.П.** Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья – М.: Наука, 1952. – 276 с. – (МИА: № 28).
- Спицин А.А.** Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. – СПб.: [Тип. Б. Безобразова и К°], 1902. – 70 с., 70 табл.
- Троицкая Т.Н.** Культ медведя в Верхнем и Среднем Приобье в I тыс. н.э. // Медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 43–47.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В.** Археология Западно-Сибирской равнины. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. – 136 с.
- Угорское наследие.** Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 160 с.
- Усть-Полуй.** I век до н.э.: каталог выставки. – Салехард; СПб.: Kella, 2003. – 76 с.
- Федорова Н.В.** Иконография медведя в бронзовой пластике Западной Сибири (железный век) // Медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 37–42.
- Федорова Н.В.** Торевтика Волжской Болгарии. Серебряные изделия X–XIV вв. из зауральских коллекций // Тр. Кам. археол.-этногр. экспедиции. – Пермь, 2003. – Вып. III. – С. 138–153.
- Финно-угры** и балты в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1987. – 510 с.
- Фролов Я.В.** К вопросу о проявлениях изобразительных традиций скифо-сибирского звериного стиля в художественном бронзовом литье населения Приобья в эпоху железа // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2003. – С. 210–219.
- Чиндина Л.А.** История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. – Томск: Том. гос. ун-т, 1991. – 182 с.